

Мысли в пути. Джордж Оруэлл

Читая блистательную и гнетущую книгу Малькольма Маггериджа [1 - Маггеридж Малькольм (род. 1903) – английский прозаик и публицист. оставил воспоминания о встречах с Оруэллом в своих мемуарах «Хроника потерянного времени» (1978).] «Тридцатые», я вспомнил, как однажды жестоко обошелся с осой. Она ела джем с блюдечка, а я ножом разрубил ее пополам. Не обратив на это внимания, она продолжала пировать, и сладкая струйка сочилась из ее рассеченного брюшка. Но вот она собралась взлететь, и только тут ей стал понятен весь ужас ее положения. То же самое происходит с современным человеком. Ему отсекали душу, а он долго – пожалуй, лет двадцать – этого просто не замечал.

Отсечь душу было совершенно необходимо. Было необходимо, чтобы человек отказался от религии в той форме, которая ее прежде отличала. Уже к девятнадцатому веку религия, по сути, стала ложью, помогавшей богатым оставаться богатыми, а бедных держать бедными. Пусть бедные довольствуются своей бедностью, ибо им воздается за гробом, где ждет их райская жизнь, изображавшаяся так, что выходил наполовину ботанический сад Кью-гарденз, наполовину ювелирная лавка. Все мы дети Божии, только я получаю десять тысяч в год, а ты два фунта в неделю. Такой вот или сходной ложью насквозь пронизывалась жизнь в капиталистическом обществе, и ложь эту подобало выкорчевать без остатка.

Оттого и наступил долгий период, когда едва ли не каждый думающий человек становился в каком-то смысле бунтарем, а часто безрассудным бунтарем. Литература преимущественно вдохновлялась протестом и разрушением. Гиббон, Вольтер, Руссо, Шелли, Байрон, Диккенс, Стендаль, Сэмюэл Батлер, Ибсен, Золя, Флобер, Шоу, Джойс – в том или ином отношении все они изничтожают, подрывают, саботируют. Два столетия мы тем одним и занимались, что подпиливали да подпиливали сук, на котором сидим. И вот с внезапностью, мало кем предвиденной, наши старания увенчались успехом – сук рухнул, а с ним и мы сами. К несчастью, вышло маленькое недоразумение. Внизу оказалась не мурава, усыпанная лепестками роз, а выгребная яма, затянута колючей проволокой.

Впечатление такое, словно за какой-то десяток лет мы откатились ко временам каменного века. Вдруг ожили человеческие типы, казалось бы, вымершие давным-давно: пляшущий дервиш, и разбойничий атаман, и Великий Инквизитор, – причем сегодня они отнюдь не пациенты психиатрической лечебницы, а властители мира. Видимо, нельзя жить, полагаясь исключительно на могущество машин и на обобществленную экономику. Сами по себе они только помогают воцариться кошмару, в котором мы принуждены существовать, – этим бесконечным войнам и бесконечным лишениям из-за войн, и колючей проволокой, за которой оказались народы, обреченные на рабский труд, и лагерным баракам, куда гонят толпы исходящих криком женщин, и подвалам, где палачи расстреливают выстрелами в затылок, не слышными через обитые пробкой стены. Ампутация души – это, надо полагать, не просто хирургическая операция вроде удаления аппендикса. Такие раны имеют свойство гноиться.

Смысл книги Маггериджа поясняют два места из Екклесиаста: «Суета сует, – сказал Екклесиаст, – суета сует, – всё суета!»; «Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека». Теперь смысл этот стал очень близок многим, кто всего несколько лет назад высмеивал его. Мы существуем среди кошмара именно по той причине, что пытались создать земной рай. Мы верили в «прогресс», в то, что нами под силу руководить простым смертным, воздавали кесарям Богово – примерно так принимаются рассуждать.

Сам Маггеридж, увы, тоже не дает повода допустить, что он верит в Бога. По

крайней мере, исчезновение этой веры в человеке для него, очевидно, аксиома. Тут он, не приходится сомневаться, прав, а если считать действенными только санкции, исходящие свыше, ясно, что из этого следует. Нет иной мудрости, кроме страха перед Богом, однако никто не боится Бога, а значит, никакой мудрости не существует. Человеческая история заключается лишь в подъемах и крушениях материальных цивилизаций – одна вавилонская башня вслед другой. А если так, можно с уверенностью представить, что нас ждет. Войны и снова войны, революции и контрреволюции, гитлеры и сверхгитлеры – вниз, вниз, в пропасть, куда страшно заглянуть, хотя, подозреваю, Маггеридж зачарован такой перспективой. Прошло уж лет тридцать с той поры, как Хиллэр Беллок [2 - Беллок Хиллар (1870–1953) – английский поэт, писатель, историк, философ. В книге «Государство рабов» (1912) создал одну из первых моделей «олигархического социализма» – общества, управляемого корпорацией политиканов-технократов, где государственной собственностью являются не только средства и орудия производства, но и образ жизни граждан.] в своей книге «Государство рабов» на удивление точно предсказал происходящее в наши дни. К сожалению, ему нечего было предложить в качестве противоядия. У него все свелось к тому, что вместо рабства необходимо вернуться к мелкой собственности, хотя ясно, что такого возвращения не будет и что оно невозможно. Сегодня практически нет альтернативы коллективистскому обществу. Вопрос лишь в том, будет ли оно держаться силами добровольного сотрудничества или силой пулеметов. Решительно ничего не вышло из идеи Царства Божьего на земле, как оно прежде мыслилось, но, впрочем, еще и до того, как явился Гитлер, стало понятно, насколько далека эта идея от реального будущего, которое нас ожидает. То, к чему мы идем сейчас, имеет более всего сходства с испанской инквизицией; может, будет и еще хуже – ведь в нашем мире плюс ко всему есть радио, есть тайная полиция. Шанс избежать такого будущего ничтожен, если мы не восстановим доверие к идеалу человеческого братства, значимому и без размышлений о «грядущей жизни». Эти размышления и побуждают неискушенных людей вроде настоятеля Кентерберийского собора всерьез верить, будто Советская Россия явила образец истинного христианства. Разумеется, они пали жертвами пропаганды, однако исповедуемый марксистами «реализм» тоже не оправдался, какими бы материальными достижениями он ни располагал. Получается, что нет альтернативы, помимо той, от которой нас так заботливо предостерегают Маггеридж, Ф. А. Фойгт и думающие в сходном духе: эта альтернатива – столько раз осмеянное Царство земное, иными словами, общество, в котором люди, памятуя, что они смертны, стремятся относиться друг к другу как братья.

Значит, у них должен быть общий отец. И поэтому часто говорят, что ощущения братства у людей не будет, пока их не сплотит вера в Бога. На это можно ответить, что большинство из них полуосознанно уже прониклись таким ощущением. Человек – не особь, он лишь клеточка вечносущего организма, и смутно он это осознает. Иначе не объяснить, отчего человек готов погибнуть в бою. Нелепо утверждать, что он так поступает исключительно по принуждению. Если бы принуждать приходилось целые армии, невозможной сделалась бы любая война. Люди погибают, сражаясь из-за абстракций, именуемых честью, долгом, патриотизмом и т. д., – разумеется, не в охотку, но, во всяком случае, по собственному выбору.

Означает это лишь одно: они отдают себе отчет в существовании какой-то живой связи, которая важнее, нежели они сами, и простирается как в будущее, так и в прошлое, давая им чувство бессмертия, коль скоро они ее ощутили. «Погибших нет, коль Англия жива» – звучит высокопарной болтовней, но замените слово «Англия» любым другим по вашему предпочтению, и вы убедитесь, что тут схвачен один из главных стимулов человеческого поведения. Люди жертвуют жизнью во имя тех или иных сообществ – ради нации, народа, единоверцев, класса – и постигают, что

перестали быть личностями, лишь в тот самый момент, как засвистят пули. Чувствуй они хоть немного глубже, и эта преданность сообществу стала бы преданностью самому человечеству, которое вовсе не абстракция.

«О дивный новый мир» Олдоса Хаксли был превосходным шаржем, запечатлевшим гедонистическую утопию, которая казалась достижимой, заставляя людей столь охотно обманываться собственной убежденностью, будто Царство Божие тем или иным способом должно сделаться реальностью на Земле. Но нам надлежит оставаться детьми Божиими, даже если Бог из молитвенников более не существует. Иной раз это постигали даже те, кто старался динамитом взорвать нашу цивилизацию. Знаменитое высказывание Маркса, [3 - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 415. К. Смолл, автор книги «Дорога к Минилюбу» (1975) отмечает, что «Оруэлл был одним из немногих людей своего круга, которые знали это место Маркса не в усеченном до „опиума“, а в „полном виде“» (р. 167).] что «религия есть опиум народа», как правило, вырывают из контекста, придавая ему существенно иной, нежели вкладывал в него автор, смысл, хотя подмена едва заметна. Маркс – по крайней мере, в той работе, откуда эта фраза цитируется, – не утверждал, что религия есть наркотик, распространяемый свыше; он утверждал, что религию создают сами люди, удовлетворяя свойственную им потребность, насущность которой он не отрицал. «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира... Религия есть опиум народа». Разве тут сказано не о том, что человеку невозможно жить хлебом единым, что одной ненависти недостаточно, что мир, достойный людского рода, не может держаться «реализмом» и силой пулеметов? Если бы Маркс предвидел, как велико окажется его интеллектуальное влияние, возможно, то же самое он сказал бы еще не раз и еще яснее.

1940

Примечания

1 Маггеридж Малькольм (род. 1903) – английский прозаик и публицист. оставил воспоминания о встречах с Оруэллом в своих мемуарах «Хроника потерянного времени» (1978).

2 Беллок Хиллар (1870–1953) – английский поэт, писатель, историк, философ. В книге «Государство рабов» (1912) создал одну из первых моделей «олигархического социализма» – общества, управляемого корпорацией политиканов-технократов, где государственной собственностью являются не только средства и орудия производства, но и образ жизни граждан.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 415.

К. Смолл, автор книги «Дорога к Минилюбу» (1975) отмечает, что «Оруэлл был одним из немногих людей своего круга, которые знали это место Маркса не в усеченном до „опиума“, а в „полном виде“» (р. 167).